

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ СОВЕТСКОЙ НАУКИ
В 1920—1930 гг.**

Под таким названием 23—26 мая 1989 г. в Ленинграде проходила конференция молодых ученых, организованная Ленинградским отделом Института истории естествознания и техники АН СССР.

Понятен всеобщий интерес к советской истории. История науки не обойдена этим интересом, но активность историков науки (как академического, так и публицистического направлений) распространяется преимущественно на описание ситуации конца 30-х годов и послевоенного времени, когда сталинская машина власти была уже оформлена и перемалывала людей, общество, науку, культуру.

История же 20—30-х годов остается до последнего времени в тени, хотя именно в эти годы хитросплетения исторических причин и следствий, человеческих стремлений и государственных актов создавали общественную систему, проявившуюся в полную силу в предвоенные и послевоенные годы.

На конференции собралось около 40 специалистов из разных учреждений Москвы и Ленинграда — историки науки и философы, гражданские историки и архивисты.

Внимание участников конференции сосредоточилось в основном на соотношении влияния государственной власти и идеологии на развитие науки. Во многих докладах было показано, что взаимоотношения науки с государственной властью и идеологией существенно менялись на протяжении рассматриваемого периода и можно попытаться проследить историю этих взаимоотношений, обратившись к идеологическим образам и схемам, бытующим в обществе. Одной из таких попыток было описание образа «пролетарской науки», сложившегося в концепции А. А. Богданова. По мнению А. А. Лугового, этот образ стал в 30-е годы основой государственной политики по отношению к науке. Гипотеза эта вызвала возражения: участники конференции говорили об отсутствии объективных методов, позволяющих проследить «материализацию» идеологических конструкций в реальной политике как государственной, так и внутринаучной.

В конкретных областях научного знания влияние идеологии и власти могло быть как

позитивным, так и негативным. В 20-е годы такое влияние было стимулирующим в области естественнонаучного исследования человека (Н. Л. Кременцов), психофизиологии труда и психотехники (И. Е. Сироткина), прикладной психологии в целом (А. М. Эткинд). Интерес общества и государственных деятелей начала 20-х годов к исследованиям человека (от евгеники до психотехники) определялся идеологическим образом «нового человека», по мнению Н. Л. Кременцова, являвшегося существенной частью общей социалистической идеологии. Этот образ не только определял отношение власти к научным исследованиям, но и стимулировал деятельность самих ученых. Изменения в системе власти и идеологии привели к свертыванию многих направлений изучения человека: идеал и образ «нового человека» в 30-е годы уже иной, нежели ранее.

Однако, по мнению Е. В. Гильбо и А. М. Эткинды, «закрывание» психоанализа и педологии было следствием прямого вмешательства власти в развитие науки, а идеология имела лишь косвенное значение. С точки зрения этих докладчиков, в науке не было внутренних изменений под влиянием идеологии. Сходное суждение прозвучало в докладе В. В. Умрихина, который считает, что реактологическая дискуссия 1931 г. не имела научных оснований, а была исключительно политической.

На материале физики проявилось такое же развитие в оценках роли государственного и идеологического влияния. В докладе А. Б. Кожевникова речь шла об общем благотворном воздействии государственного управления на развитие физических исследований в СССР в течение всего довоенного периода. Такая точка зрения вызвала дискуссию, в ходе которой выяснилось, что докладчик рассматривал в основном организационно-финансовые аспекты развития физики. А. В. Сокольская в своем выступлении показала, что отрицание случайности в рамках идеологии сталинизма существенным образом повлияло на развитие статистической физики и прикладной математики.

Тем самым в ходе уже первых заседаний выявилось противостояние двух точек зрения на отношения в «роковом треугольнике»:

власть, идеология, наука. Первая точка зрения заключалась в том, что господствующая в стране идеология различными путями проникает в научное сообщество, вызывает идеологические дискуссии по научным вопросам среди самих ученых и изменяет ориентацию познавательных интересов научного общества. Изменение научных установок идет в нужном для государственной власти направлении и поддерживается ею. Сторонники этой точки зрения — «идеологисты» — считают, что идеологические влияния представляют собой самостоятельную силу в обществе.

Приверженцы второй точки зрения — так называемые «этатисты» — убеждены в том, что идеологические и государственные влияния составляют неразрывное единство, оказывающее тотальное управляющее воздействие на науку, которая в этом случае является пассивным объектом управления со стороны единого государственно-идеологического аппарата. По их мнению, научная политика формируется в «коридорах власти», а идеология в этом случае является лишь инструментом, если не ширмой, для проведения аппаратом конкретных мероприятий.

Дискуссия была продолжена за «круглым столом», где обсуждались некоторые параллели в развитии германской и советской наук. А. В. Ахутин, отстаивая «идеологический» подход к истории науки, говорил о путях проникновения «вируса идеологии» в сознание ученых. Наука, по его мнению, беззащитна перед идеологией потому, что содержит в себе философию в форме некой идеологии. Эта идеология, присущая научному сознанию, включает в себя такие элементы, как материализм, значение практики в науке, коллективизм и вовлеченность в общество. После революции в умах интеллигенции смешались различные типы сознания (русское, собственно научное, революционное) и в этой смеси возникло то научное сознание, которое оказалось открытым для тоталитаризма.

Несколько иной аспект проблемы затронул В. П. Филатов, который указал на сосуществование в обществе различных образов науки (академический, пролетарско-революционный, народный). В разные периоды советской истории доминировали разные образы, и идея «пролетарской» науки была вытеснена идеей «народной» науки (народные ученые, хаты-лаборатории, крестьянская интуиция и сметка), которая была понятна аппарату и им поддержана.

С позиций «этатизма» высказались Л. Я. Жмудь и Г. Е. Горелик, отрицавшие влияние идеологии на ученых. С их точки зрения, идеологические штампы в массовой литературе камуфлировали истинную политику и были рассчитаны на обывателя. Л. Я. Жмудь считает, что настоящий ученый должен руководствоваться поисками истины и новых фактов. Физики, по словам Г. Е. Горелика, обращали внимание на идеологию лишь постольку, поскольку были вынуждены сидеть на собраниях. Существенны для истории науки лишь те дискуссии, в которых участвовали сами физики, а журналистские

и пропагандистские статьи не имеют значения ни для ученых, ни для истории науки. Вместе с тем, как заметил Б. Г. Юдин, журнальную пропаганду читают и те, кто лишь собирается стать ученым, и здесь влияние может быть существенным.

Подобное размежевание докладчиков произошло и на заседании, посвященном развитию истории и археологии. Доклад В. Д. Соловья был посвящен эволюции исторической науки в СССР. Дискуссии по общим проблемам исторической науки, проходившие в Комакадемии и во многом определявшие, по мнению докладчика, лицо исторической науки, свидетельствовали о слабой научной подготовке молодых историков. Слабость исторического образования и научной базы в целом сыграли значительную роль в формировании советской исторической науки. О влиянии политики на исследование истории Великой Французской революции в 20—30-е годы рассказал А. В. Чудинов. Отечественный журнал «Анналы» и развивавшаяся в этом журнале концепция всеобщей истории были предметом сообщения А. И. Петиновой.

Специалисты по истории археологии рассматривали совершенно иной аспект развития научных исследований. Н. А. Варлакова говорила о значении Русского археологического общества (РАО) и патриотизме большинства его членов, активно работавших в послереволюционной науке. Закрытие РАО в 20-е годы было связано, по ее мнению, лишь с возникновением Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), взявшей на себя все функции РАО. Об организационной истории ГАИМК подробно рассказала Н. И. Платонова, осветившая роль Н. Я. Марра в создании этого учреждения. Она резко возразила тем участникам конференции, которые пытались выявить идеологическую роль ГАИМК в советской науке. Идеологические дискуссии возникли в ГАИМК лишь в начале 30-х годов и носили политический характер.

Дискуссия показала, что взгляды на историю науки основаны на различных представлениях о самой науке. Если «идеологисты» рассматривают науку как одно из направлений в общем процессе социокультурной деятельности, то «этатисты» считают ее системой знаний и познавательных традиций научного сообщества, в значительной мере изолированных от влияния общества. По мнению «идеологистов», профессиональная деятельность ученого неразрывно связана с его включенностью в социокультурную жизнь своего времени. «Этатисты» же утверждают, что деятельность ученого никак не связана с культурным контекстом его существования. При этом те исследования, в которых появляются «приметы времени», рассматриваются ими как ненаучные.

На наш взгляд, разрешение этой дискуссии возможно лишь в результате детального социологического анализа конкретных научных сообществ. Научное сообщество неоднородно, разные группы ученых по-разному вовлечены в отношения с обществом,

властью и идеологией. Лишь анализ этих различий позволит прояснить характер взаимоотношений науки с другими общественными институтами. И материал для такого анализа в избытке был представлен на конференции.

Ярким введением в социологию научного сообщества прозвучал доклад Л. Я. Лурье о судьбах интеллигенции Петербурга — Петрограда — Ленинграда. Он был дополнен детальным статистическим анализом состава преподавателей Ленинградского университета на 1934 г. в сообщении Ф. А. Гаврилова.

О судьбах поколений ученых формировавшихся в определенной социокультурной атмосфере и отличавшихся по отношению к идеологии, политике, власти и собственно научным концепциям, говорилось в сообщениях Д. А. Александрова, посвященных истории биологии и математики. В частности, по мнению докладчика, ясно оформлено поколение, несущее идеалы демократической науки (Н. И. Вавилов, Ю. А. Филипченко, А. В. Чайнов и др.), на которое сильнейшее влияние оказала обстановка 1905—1907 гг., когда они входили в науку. Другое поколение, из которого вышли первые естественники-марксисты (такие, как А. С. Серебровский и др.), формировалось уже под влиянием войны и революционной ситуации 1914—1917 гг. О Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР, ее организаторах и принципах деятельности говорили Е. В. Фоминных и И. А. Тугаринов. Школе Н. Я. Марра и научной судьбе ее лидера было посвящено сообщение В. М. Алпатова.

Те или иные группы ученых в силу различных причин являются проводниками разных воззрений (идеологический, политических и собственно научных) в научном сообществе. Сопоставление изменений в когнитивной сфере с переменами в микроструктуре научного сообщества в целом свидетельствует в пользу точки зрения «идеологистов».

В то же время отдельные группы ученых по-разному воспринимают попытки государственного воздействия на науку.

Различные позиции ученых в конфликте Академии наук и советского правительства были освещены в выступлениях М. Ю. Сорокиной и Ф. Ф. Перченка. Фактически в этих сообщениях были детализированы представления о «коридорах власти», которые

интересовали «этатистов». Об этой же стороне истории науки говорил С. П. Стрекопытов, рассказывавший об органах государственного управления наукой.

Сообщения архивистов, прозвучавшие в конце конференции, наглядно продемонстрировали, что историк науки, обращающийся к организационным аспектам развития науки, как правило, приходит к «этатистской» точке зрения. Для историков, интересующихся когнитивной структурой науки, ближе оказывается «идеологическая» позиция. Возможно и обратное — избранная точка зрения диктует предмет и методы исследования. Ученый, считающий науку изолированным общественным институтом, будет рассматривать в качестве показателя социокультурных влияний исключительно организационные изменения, в то время как исследователь, воспринимающий науку как одну из составляющих единой социокультурной деятельности, скорее обратится к анализу когнитивных изменений.

Таким образом, работа конференции — обсуждение научной и вненаучной идеологии, различных образов науки и социокультурных детерминант ее развития — показала, что в сегодняшнем научном сообществе существуют два образа науки и соответственно две идеологии, определяющие познавательные установки исследователей. Их существование определяется не только известными традициями, но и обостренным восприятием самими учеными их собственной истории. Понятно стремление советского ученого к идеалу «изолированной» науки, свободной от идеологизации. Это не означает, что два выявившихся образа науки не могут быть совмещены в конкретном историческом исследовании, поскольку любой исторический факт может быть рассмотрен с обеих позиций. А самое главное, существует возможность их объединения в рамках конкретного социологического анализа ситуации, и конференция это наглядно продемонстрировала. Именно история научного сообщества, как мы надеемся, могла бы стать темой дальнейших дискуссий на конференциях по истории советской науки.

Д. А. Александров, Н. Л. Кременцов
(Ленинград)

Европейская конференция по истории и социологии науки

24—28.08.89 г. в Веспреме (ВР) состоялась Европейская конференция по истории и социологии науки «Интеллектуальные и организационные связи науки», организованная Европейской Ассоциацией по исследованию науки и техники, исследовательским комитетом по социологии науки, международной социологической Ассоциацией, Венгерским АИ

и Федерацией научно-технических обществ. В конференции приняли участие социологи и историки науки Европы (Франция, Голландия), Америки (США, Мексика), Японии, Индии. Из социалистических стран были представлены ученые СССР, ВР, БНР, ГДР, Югославии.

В дискуссиях заинтересованно обсуждались

актуальные проблемы социологии и истории науки, главным образом, концептуальные основы и механизмы связи центра и периферии в истории и современной науке, противоречия между когнитивными и социальными аспектами науки. В ряде докладов затрагивались вопросы научной политики (ВР, БНР).

Рассматриваемые на конференции проблемы представляют не только теоретический

интерес, но полезны и для эффективной организации научной деятельности.

Конференция показала динамичность развития социологии науки во многих странах мира, чего нельзя сказать о нашей стране. К сожалению, и здесь мы все менее можем претендовать на роль центра.

С. А. Кугель

«НАРОДНЫЙ АРХИВ»

Центр документации «Народный архив» (ЦДНА) — общественная организация, имеющая целью сбор и хранение документов главным образом рядовых советских граждан, неформальных объединений. Эти документы сегодня практически не принимаются на государственное хранение. Организация «Народного архива» положила начало созданию источниковой базы для изучения истории массового общественного сознания, истории жизни, быта и культуры широких слоев населения.

Учредитель «Народного архива» — Московский государственный историко-архивный институт. Деятельность ЦДНА финансируется международным благотворительным фондом «Культурная инициатива». Фонд предоставляет ЦДНА современные технические средства, дающие возможность перевести часть документов массового характера с традиционных носителей в машинную память, на микрофиши.

В архив уже поступило на хранение несколько десятков фондов и коллекций документов. Среди них — коллекция документальных материалов по выборам на I съезд народных депутатов СССР (плакаты, программы кандидатов в депутаты, листовки и т. д.). Коллекция собрана студентами МГИАИ. «Народный архив» является учебной

базой института. Комплектование личных и семейных фондов идет пока «пассивным» методом. После телевизионной передачи, посвященной Центру, в «Народный архив» начали уже поступать предложения граждан. Принятые на хранение документы охватывают период со второй половины XIX в. по наши дни. Есть документы, рассказывающие о судьбах людей, репрессированных в 30—50-е годы. Поступают в архив и документы граждан, незаконно осужденных в 70-е годы. Принята на хранение коллекция документов неформальных групп. Поступили для научной обработки первые партии писем, направлявшихся гражданами в редакции газет.

Центр документации «Народный архив» продолжает прием документов на хранение, в том числе — чертежей, описаний технических изобретений, неопубликованных научных трудов и проектов, воспоминаний и т. д.

Объем проводимой работы постоянно увеличивается, возрастает и необходимость в привлечении дополнительных денежных средств. ЦДНА нужны новые спонсоры. Адрес ЦДНА: 113012, Москва. Ул. 25 Октября д. 11. ЦДНА. Телефон для справок: 923—40—59.

М. В. Москалев, Е. А. Дюдина